

УДК 93/94

doi:10.21685/2072-3024-2022-2-2

Эволюция мировоззрения российского студенчества в XIX – начале XX в.

Н. Н. Юркина

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

nn.yurkina@mpgu.su

Аннотация. *Актуальность и цели.* Изучение мировоззрения российского студенчества, процессов формирования внутреннего мира студенческой молодежи в XIX – начале XX в. направлено на выявление особенностей психологического облика наиболее активной части российского общества. Возрастные особенности студенчества позволяют говорить о схожести процессов становления мировоззрения как у молодых людей в начале XX в., так и у современной молодежи. Целью исследования является изучение внутренних механизмов мотивации учащейся молодежи в ситуации выбора, в процессе принятия решений. *Материалы и методы.* Работа написана в рамках методологии повседневности и освещает влияние различных идеологических и материальных факторов на становление внутреннего мира студенчества, формирование таких ключевых понятий для молодежи, как вера и смерть. Большое место в статье занимает анализ мемуарной и художественной литературы. Множество размышлений студентов на эту тему свидетельствует о значимости данных категорий в становлении мировоззрения молодых людей. Источниковой базой исследования стал также значительный корпус публицистики, освещавшей проблемы молодежи с различных позиций. *Результаты.* Рассматривается проблема смертности среди молодежи и причины, приводящие к гибели молодых людей, прослеживается динамика данного явления в разные десятилетия XIX в. Изучен процесс формирования юношеского мировоззрения под влиянием различных обстоятельств, в том числе рассматривается степень влияния на учащуюся молодежь радикальных учений, сформировавших у определенной части молодежи стремление погибнуть на благо народа. Анализируется духовный поиск молодежи, восприятие религии и веры с различных мировоззренческих позиций, духовных исканий, а также трансформация убеждений в процессе обучения и наработки жизненного опыта. *Выводы.* На внутренний мир и духовное становление молодежи оказывали влияние множество факторов: материальные проблемы, особенности системы обучения и воспитания в вузе, а также формы проведения досуга студентами. Становление убеждений будущей интеллигенции происходило во многом через осмысление религиозных убеждений и догматов, их влияния на жизнь и смерть человека. На протяжении XIX – начала XX в. можно проследить эволюцию мировоззрения студентов и выделить общие для большинства молодых людей различных университетских городов убеждения и ценности, менявшиеся на протяжении изучаемого периода.

Ключевые слова: студенчество, мировоззрение, вера, атеизм, церковь, материальное положение, смертность, духовные искания, смерть, народничество

Для цитирования: Юркина Н. Н. Эволюция мировоззрения российского студенчества в XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 10–29. doi:10.21685/2072-3024-2022-2-2

The worldview evolution of the Russian students in the 19th – early 20th centuries

N.N. Yurkina

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

nn.yurkina@mpgu.su

Abstract. *Background.* The study of the Russian students' worldview, the processes of formation of the inner world of student youth in the 19th – early 20th centuries is aimed at identifying the features of the psychological make-up of the most active part of Russian society. The age characteristics of students allow us to speak about the similarity of the processes of formation of the worldview both at the beginning of the 20th century and today's, youth. The purpose of the work is to study the internal mechanisms of young students' motivation in a choice situation, in the decision-making process. *Materials and methods.* The work is written, within the framework of the methodology of everyday life and highlights the influence of various ideological and material factors on the formation of the inner world of students, the formation of such key concepts for young people as faith and death. A large place in the article is occupied, by the analysis of memoirs and fiction. A lot of students' reflections on this topic testify to the importance of these categories in the formation of the worldview of young people. The source base of the study was also a significant corpus of journalism, covering the problems of youth from various positions. *Results.* The study deals with the problem of mortality among young people and the causes leading to the death of young people, the dynamics of this phenomenon in different decades of the 19th century is traced. The process of formation of a youthful worldview under the influence of various circumstances is studied, including the degree of influence of radical teachings on student youth, which formed in a certain part of the youth the desire to die for the good of the people. The spiritual search of youth, the perception of religion and faith from different worldview positions, spiritual quests, as well as the transformation of beliefs in the process of learning and gaining life experience are analyzed. *Conclusions.* Many factors influenced the inner world and spiritual development of young people: material problems, features of the system of education and upbringing at the university, as well as forms of leisure activities for students. The formation of the beliefs of the future intelligentsia took place largely through the comprehension of religious beliefs and dogmas, their influence on the life and death of a person. During the 19th and early 20th centuries, it is possible to trace the evolution of the worldview of students and highlight the beliefs and values common to most young people in various university cities that have changed over the period under study.

Keywords: students, worldview, faith, atheism, church, financial situation, mortality, spiritual quest, death, narodnichestvo

For citation: Yurkina N.N. The worldview evolution of the Russian students in the 19th – early 20th centuries. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2022;(2):10–29. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-2-2

Студенчество в XVIII – начале XX в. являлось элитной частью общества, получавшей высшее образование, открывавшей путь в науку, а также к высоким должностям, приоритетной установкой интеллигентной молодежи являлась готовность к служению на благо Отечества. В исторической науке изучением молодежи и студенчества занимались такие исследователи, как Л. К. Ерман, В. Р. Лейкина-Свирская, К. С. Маслов, А. Е. Иванов и др. В их

публикациях подробно рассмотрена эволюция социального состава студенчества, учебный процесс, бытовые стороны жизни молодежи в различных университетских городах [1–5]. В нашей работе освещена такая сторона жизни студентов XIX в., как их внутренние искания. Особое внимание уделено отдельным категориям, особенно остро обсуждавшимся в самой студенческой среде и считавшимся наиболее значимыми для становления мировоззрения студентов, таким как вера и смерть. Большое место в статье занимает анализ мемуарной и художественной литературы, поскольку в данном типе источников наиболее полно отражены особенности мировосприятия молодежи, поднимаются проблемы психологического характера, о которых не принято было говорить в официальной среде. Большое значение для изучения типичного пути формирования внутреннего мира студенческой молодежи имеют произведения А. П. Чехова, Н. Г. Гарина-Михайловского, В. В. Вересаева, М. Горького [6; 7, с. 145–147; 8]. Эти писатели создавали образ узнаваемого студента, рисовали яркие студенческие типажи, наиболее распространенные в молодежной среде. В произведениях русских писателей можно найти отражение внутреннего мира студента, переживания, характерные для данного возраста. В воспоминаниях бывших студентов и воспитанников высших учебных заведений, таких как Б. Н. Чичерин, П. Свиньин, А. И. Герцен, П. Н. Милоков и многих других [9–15], содержится множество интересных наблюдений за религиозным и духовным поиском, характерным для внутреннего мира студенчества разных десятилетий, позволяющих проследить эволюцию мировоззрения студентов, определить повлиявшие на него факторы. Исследование различий между университетскими городами в вопросах формирования идеалов и убеждений студенчества, их эволюции в нашей работе не проводилось, так как идейные установки для студенчества разных городов в определенные десятилетия были схожими, традиционная корпоративность студентов провоцировала не только установление общих ценностей внутри корпорации, но и трансляцию их на провинциальные города и гимназическую молодежь, воспринимавшую университеты как источник передового и нового знания.

Особое внимание к формированию внутреннего мира студенчества проявили публицисты в начале XX в., когда наблюдался рост смертности среди молодежи [16], причины такого явления, по убеждению современников, крылись именно в тех ценностях, которые бытовали среди интеллигентной молодежи. Возросшая в конце XIX – начале XX в. смертность среди студентов вызвала большой общественный резонанс и стремление не только понять ее причины, но и упразднить их. При этом и сами студенты болезненно реагировали на гибель товарищей. Причины смертности среди молодежи были различными, начиная от заболеваний, таких как воспаление легких, туберкулез, инфекции, в том числе венерические, заканчивая истощением от голода и суицидом [17, 18]. Большой пласт как публицистических, так и академических исследований посвящен данной проблеме.

Одним из очевидных факторов студенческой смертности была названа пресловутая студенческая бедность, которая стала приметой второй половины XIX – начала XX в. Именно она становилась зачастую причиной гибели отдельных студентов. Из поступающих в вузы «процент состоятельных представляет собою каплю в море» [19, с. 7], пишет одна из газет конца XIX в.

Работающий студент становится типичным явлением в этот период, так как средства, дающие студенту возможность жить и учиться в крупном городе, – это та работа, которая не вредит занятиям. Но наличие такой работы в большом городе так ничтожно, «что составляет как бы феномен». «Предложение сравнительно велико (со стороны студентов – *прим. авт.*), что повышает цену на труд, так что даже имеющий работу бывает вынужден приискивать себе новые средства к существованию» [19, с. 8]. Работающих студентов становилось все больше, но зачастую подработка становилась обузой, так как оплачивалась скромно, а нагрузка на студента возрастала.

Студенчество осознавало опасность бедности и пыталось решить ее своими силами путем взаимопомощи, организуя мероприятия по благотворительности. Студенты вузов регулярно организовывали благотворительные концерты и вечера, создавали кассы взаимопомощи и землячества, оказывавшие материальную помощь нуждающимся товарищам. Вырученные с концертов средства также распределялись среди нуждавшихся. Такая помощь носила случайный и нерегулярный характер [1, с. 284–285]. Часть учащейся молодежи полагала, что средства распределяются несправедливо и предлагала поставить этот вопрос под контроль, что вызвало дискуссию не только внутри университета, но и за его пределами. Так, публицист Н. П. Гиляров-Платонов считал не этичным контролировать те деньги, которые студенты получали путем благотворительности, так как «студенты суть *нищие*, и для них нужны *подаяния*; подано, и делу конец». А распределять деньги, следить за результатами своего участия – «все это лишнее» [19, с. 7]. На практике благотворительность среди студентов не была поставлена под контроль.

Еще одним видом помощи студенчеству являлись стипендии. Студенты, подавшие прошение и предоставившие свидетельство о «недостаточности» (т.е. бедности), выступали равными претендентами на стипендию. Стипендии назначались различными органами управления, это могла быть как инспекция, собиравшая сведения о материальном положении студентов, так и правление университета, иногда при вузе существовал «Комитет Общества вспомоществования», до появления инспекции именно он занимался стипендиями. Публицисты и сами обучающиеся отмечали: часто «университет назначает стипендию студенту, получающему от родителей 25–30 руб. в месяц, и отказывают круглому бедняку». По факультетам стипендия распределялась неравномерно. Например, студентам историко-филологического факультета начисляли стипендию всем, подавшим прошение, а юристам редко и только с третьего курса, поэтому на юридическом стипендия носила «характер неожиданного сюрприза». По многим воспоминаниям «инспекция... раздает их... по вдохновению», «лишь бы раздать», оправдываясь тем, что «нет никакой возможности собрать необходимые сведения» о нуждающихся студентах [20, с. 56–57]. Основанием выдачи стипендии в первую очередь и являлось свидетельство о бедности, прилагаемое к прошениям о назначении стипендии. Были студенты, стеснявшиеся подавать такие прошения, предпочитавшие бороться с бедностью самостоятельно.

В 90-е гг. XIX в. проблема студенческой бедности обострилась, в том числе вследствие «демократизации» учащейся молодежи, роста количества университетов и расширения возможности более широких слоев населения

при поступлении в университет. Бедный студент – примета 1890-х гг. Нуждающиеся студенты носили поношенную форму, которая дешево продавалась в специальных лавках. Общественность обращала внимание на «развитие индивидуализма» в студенческой среде, что влияло на снижение взаимопомощи через концерты или кассы [21]. Публицисты с сожалением констатировали: «...при современном положении студенческой среды, когда все идет в разброд, когда почти нет точек соприкосновения, кроме официальных встреч в университете, – вопрос о студенческой взаимопомощи стоит на точке замерзания» [20, с. 4–5]. В этот период подспорьем для бедного студента стали бесплатные обеды в студенческих столовых. По данным Петербургских исследователей, 11 % студентов пользовались данной услугой, ее можно было получить в двух студенческих столовых. Малая столовая была открыта при Санкт-Петербургском университете в 1892 г., большая – в 1893 г. «Кое-кто из студентов, выбившись из бюджета, ограничивался чаем и бесплатным хлебом, несколько кусков которого еще положит в карман. На это никто не обращал внимания, наоборот, относились даже сочувственно. Иной студент, совершенно незнакомый, скажет: «Коллега, я вам куплю обед, у меня денег хватит на двоих». Администрация столовой иногда предлагала бесплатно тарелку шей без мяса. Такая столовая очень выручала бедных студентов» [22, с. 161]. Подобную помощь студентам оказывали и московские «кухмистерские». Однако бесплатные обеды не выдерживали никакой критики. Они были таковы, что студенты всегда ходили «полусытные и нездоровые», – считает П. Иванов: «Не успеешь дойти до дому, как опять хочется есть» [20, с. 56–57]. Безусловно, хлеб и чай не являлись качественным источником пропитания, и в случае, если студент попадал надолго в бедственное положение, здоровье его заметно ухудшалось.

Общежитий для студентов практически весь XIX в. не было, только в 1882 г. была открыта Александровская коллегия в Петербурге. С начала XIX в. Московский университет предоставлял своим студентам-бюджетникам (казеннокоштным) «казенные нумера», где в одной общей комнате располагалось множество кроватей и тумбочек. «Своекоштные» студенты полностью содержали себя сами. В 1860-х гг. «казенные нумера» были ликвидированы, в это время в Москве сформировался квартал, называвшийся Козихой, где студенты могли снять дешевые квартиры. К концу XIX в., когда число высших учебных заведений выросло, таких «студенческих кварталов» в Москве стало значительно больше. Только в середине 1870-х гг. было открыто «ляпинское» общежитие, но попасть в него было трудно. Подавляющее большинство приехавших в университетский город на обучение молодых провинциалов искали дешевые съемные квартиры. Если в крупном городе у молодого человека не было связей, он объединялся с товарищами и брал, что подешевле [1, с. 300–312]. Съем квартиры часто сопровождался обманом. Ужасали в таких квартирах и соседи – «подонки общества», которые дурно влияли на студента. По причине всех этих неустойств «создается обстановка, невыносимая для серьезных занятий». «Происходит странное смешение некультурной, неинтеллигентной среды с “цветом русской молодежи”». «Грубость, ожесточение... пьянство – являются прямым следствием сближения с подонками столичного общества» [20, с. 39–40]. Резкий переход от

домашней обстановки провинциального дворянина или разночинца к самостоятельной жизни в крупном городе среди бедного населения негативно влиял на психическое состояние молодого человека, приводил к размышлениям о глобальных проблемах, толкал на совершение неблагоприятных поступков.

Материальное положение студентов оставляло желать лучшего. Ничтожные средства, с которыми приезжал студент в университетский город, стремительно заканчивались, приходилось искать средства к существованию. «Кроме того, экстренные расходы часто выбивали студента из его и без того скромного бюджета: “разорвал сапоги, заболел – вот и нарушено бюджетное равновесие”, а еще нужно регулярно покупать книги. В такой обстановке “нервы расстраиваются до невозможности”» [20, с. 40]. В этих условиях молодой человек мог принять решение о суициде.

Оставаясь часто впервые без семьи в большом городе, студенты испытывали острое чувство одиночества. В. Курбский вспоминает, что его постоянно преследовали чувства покинутости и тоски по уюту, родным [12, с. 126]. Эта проблема становилась острее, когда студент оказывался предоставлен сам себе. Публицисты начала XX в. обращали внимание современников, что одиночество может привести к суициду. Студенту в Москве «страшно тяжело», писал журнал «Русь». Одиночество «давит и гнет» его, «моменты нервозности и тоски отзываются болезненно на настроении юноши». «Кругом лишь одни чужие люди». Студенческая квартира – это «походная палатка, где все напоминает о чем-то временном, где ни на одну секунду нельзя почувствовать себя дома» [23]. Размышления об одиночестве, новая обстановка в начале XIX в. приводили к установлению широких товарищеских связей, студенты заменяли друг другу семью, становясь частью большой студенческой корпорации, объединенной общими установками. Товарищи собирались на квартирах, чтоб как-то избежать тоски. «Иногда, когда говорить не хотелось, а хотелось чего-то другого – более жизненного, товарищи угрюмо молчали, курили и валялись поочередно на постелях, скучали убийственно, но не расходились, потому что одиночество было еще горше...» [20, с. 81]. Мрачное общение, мрачные мысли не только приводили к работе над своим внутренним миром, но и толкали на участие в студенческих беспорядках. «Оторванные от семейств, обращающиеся исключительно в своей студенческой среде, деля время между учебными занятиями... и незрелыми товарищескими беседами, поглощая массу самой нездоровой литературной пищи», они не имели голоса «трезвой истины», луча «согревающей любви». «Сил, растлевающих нашу молодежь и сбивающих ее с толку, множество, а сил, направляющих ее к добру и правде, не видно ниоткуда» [24], – сетовали современники студенческих волнений начала XX в., ставших приметой времени.

Ко второй половине XIX в. более привлекательными в университетских городах становятся для студентов доступные и ставшие более распространенными развлечения. От безысходности многие студенты окунались в бульварную жизнь, затягивавшую отдельных молодых людей. Такая деградация части молодежи приводила к печальным последствиям – молодые люди бросали университет, умирали от болезней. Это будоражило товарищей, старавшихся вытащить своих однокашников, борьба за них нашла свое отражение в художественной литературе.

Тем не менее чувство одиночества большинство студентов переживали достойно, шла переоценка жизненных установок, новая обстановка становилась мощным фактором взросления. Происходило формирование внутреннего мироощущения студенчества. Характеристика одиночества как внутреннего состояния описана у многих мемуаристов. Так, Н. А. Бердяев описывает новое ощущение – одиночества в толпе: «При внешней общительности, я всегда оставался один... Я не думал, что я лучше других людей, вкорененных в мир... Я мучительно чувствовал чуждость всякой среды, всякой группировки, всякого направления, всякой партии» [25]. Схожее чувство было свойственно даже молодежи из среды духовенства. А. В. Горский, воспитанник, позже профессор и ректор Московской духовной академии, отличался сложным характером. Отношения с товарищами у него не складывались. «Он всегда чувствовал одиночество, скуку, пустоту души» [26]. В художественной литературе описан процесс возникновения этого чувства более детально. По приезду в столицу герои романа «Студенты» Гарина-Михайловского с друзьями-земляками разбежались. «Как-то не было даже и охоты видаться друг с другом... Одиночество все сильнее охватывало Карташева. Он бегал от него, а оно его преследовало. <...> везде была все та же чуждая ему, раздражавшая своей непонятной жизнью, незнакомая толпа». Ему «даже страшно делалось от сознания своего одиночества». В университете он тоже встречал враждебность и равнодушие. «В общем, это была все та же отчужденная толпа улицы» [7, с. 28–30]. Чувство одиночества вырастало из тоски по дому и близким, перерастало в философские искания, порождало стремление убежать, спрятаться, «раствориться в воздухе».

Стремление избежать чувство одиночества приводило к созданию семей. К началу XX в. студенты все чаще женятся на интеллигентных девушках, курсистках. Часть студентов создавали свои семьи в годы учебы, поддавшись влиянию соседей или хозяек квартир, стремившихся выгодно пристроить своих дочерей. Чаще всего наличие семьи у студента не облегчало ситуации, а напротив, усложняло его материальное положение и увеличивало занятость, что в свою очередь вызывало стремление бросить учебу [1, с. 330].

Одним из мощных источников эмоциональной поддержки студента являлась религиозная составляющая. Именно православная церковь и вера могли удержать студента от уныния и тоски, грехопадения и нищеты и, как следствие, от суицида. Многие студенты были убежденными православными. Однако особенностью молодого возраста является стремление к нигилизму, поиску новых идеалов и переоценке ценностей. Все это приводило к тому, что даже в рамках православной веры шли глубокие и порой драматичные искания молодежи. Особенно интересными представляются духовные искания внутри самой Православной церкви, в составе ее ведущего учебного заведения – Московской духовной академии (МДА). Здесь среди студентов царил свой особый уклад, строгая дисциплина. Но размышления о роли церкви и государства, поиск новых путей смущали умы местной молодежи. «Подъем церковно-общественной жизни в России выдвинул перед сознанием верующих людей целый ряд жгучих вопросов об единстве веры и дел, о реальной помощи страждущим братьям, о разобщенности в среде паствы и т.п.» [27, с. 133–137]. По инициативе студенчества в октябре 1906 г. было создано Пастырско-просветительское братство при МДА. Братство вело широкую

просветительскую и благотворительную деятельность. При нем существовало несколько отделов. Братство заботилось о нищих, проводило народные чтения, занималось бесплатным распространением листовок, изданных братством, и т.д. При братстве была организована бесплатная библиотека для бедняков, жителей ночлежек и «углов» [27, с. 137]. Такая работа позволяла молодежи преодолеть чувство одиночества, удержаться от неблагоприятных поступков и драматичных решений.

Отношение к религии и вере в российском обществе на протяжении XIX в. заметно изменилось. Молодежь, остро реагируя на несправедливость, отмечает утилитарное отношение общества к церкви, видит проявление пороков в среде духовенства. Социальное разделение в храме во время службы вызывало разные, часто негативные эмоции. Дочь священника вспоминает о службе в домовом храме: «...в торжественные праздники там часто стоять было невозможно; и... мы уходили к профессорам – т.е. в особый коридор за спиной церкви, где стояло исключительно профессорство с своими семьями. Здесь всегда было много разговоров... большинство недовольно ворчало или уходило в самую церковь». Волнение начиналось, когда наступало время прикладываться к иконе, бывала и давка, хотя «цепь рослых швейцаров» пыталась успокоить толпу [27, с. 117]. Мероприятия часто даже в МДА носили формальный характер, все с нетерпением и без должного благоговения ожидали окончания скучных речей, чтобы приступить к торжественной трапезе.

Различие между светской и духовной молодежью было заметно уже в начале XIX в., когда происходило размывание сословной структуры общества. Дети духовенства стремились получить светское образование и вопреки ограничениям и сложностям поступали в университеты. А. И. Герцен вспоминал, насколько отличались студенты из среды духовенства и дворянские воспитанники: «Все воспитание несчастных семинаристов, все их понятия были совсем иные, чем у нас, мы говорили разными языками; они, выросшие под гнетом монашеского деспотизма, забитые своей риторикой и теологией, завидовали нашей развязности; мы – досадовали на их христианское смирение» [10, с. 117]. С 30-х гг. XIX в. началась новая волна переосмысления религии интеллигентной молодежью.

Постепенно молодые умы поражала «болезнь века» – атеизм. Богословие, читавшееся на первых курсах всех факультетов, вызывало досаду и раздражение у молодежи. Видный политический деятель Б. М. Чичерин вспоминал о студенческих годах следующее: «Я должен сказать о том весьма важном для моей внутренней жизни значении, которое имел для меня не в положительном, а в отрицательном смысле слушанный в университете курс богословия». В университете курс «был самый сухой и рутинный». Богословие вел П. М. Терновский, университетский священник, личность которого «не внушала никакого сочувствия». Он имел «строгий вид, говорил в нос... беспрестанно осматривал аудиторию, замечая, кто ходит на лекции, а иногда делал резкие выговоры студентам» [28, с. 33–42]. Подтягивавшиеся в университетскую среду в конце века курсистки также отмечали, что именно священники хуже других преподавателей справлялись с объяснением основ Богословия. А. В. Тыркова-Вильямс анализировала разных преподавателей и с горечью отмечала, что священник, преподававший на курсе, не привел их

к вере. «Мы и в нем (А. Ф. Платонове – *прим. авт.*) не нашли желанного учителя жизни. Еще менее мог стать им священник, читавший нам богословие. Ему очень хотелось бороться с повальным студенческим безверием, но брался он за это неумело, неуклюже, и результат получался обратный» [15, с. 138].

Все это не только не привлекало изверившихся студентов к православию, а влекло потоки критики, недовольства и неприятия. «Теперешнее православие заключает в себе много лжи – даже странно, как извращено в нем чистое христианское учение и как оно освящает самые безнравственные вещи». Студенты замечали «скверные стороны церкви, которые и делают ее такой бессильной и жалкой». Молодежь искала ответы, не готова была расстаться с верой. «Я не могу верить в необходимость обрядовой стороны и сильно колеблюсь в признании всех таинств» [29, с. 138–139]. Отделяя веру от церкви, студенты начала века становились заложниками своих исканий и возвращались к обостренному чувству одиночества и непонимания.

Публицист и общественный деятель И. А. Свиньин вспоминал: «То время было вообще тревожное. В обществе замечалось влияние антирелигиозных известных тенденций... которое нашло себе особенно благодарную почву в студенческой среде, а потому религиозные вопросы... делались предметом самых оживленных диспутов. Была одно время такая безумная полоса, что *атеизм* считался принадлежностью людей просвещенных, а *деизм* – невежественных» [14, с. 44]. Первая половина XIX в. ввела своего рода моду на атеизм в молодежных кругах. В художественной литературе утилитарное отношение к церкви сливалось и с отношением к искусству в целом. У А. М. Горького к началу XX в. атеизм стал уже привычным состоянием молодого человека. О вере студенты рассуждали цинично, сравнивая церковь с театром: «В театр теперь ходят по привычке, как в церковь, не веря, что надо ходить в театр» [8, с. 371].

Проблема веры и атеизма будоражила умы всех без исключения студентов, заставляя их размышлять о вечных ценностях. О переменах в умах студенчества размышлял выпускник Московского университета, князь Д. И. Шаховской: «Трудное время переживает теперь человечество. Небывалое количество сумасшествий и самоубийств на это указывают нагляднее всяких умствований. Старые начала низложены во мнении очень многих, вера старая потрясена, наука быстро двигается вперед, старые привычки отжидают свой век... А нового еще ничего не выработано – все шатко и неопределенно» [29, с. 140]. Б. Н. Чичерин описывал типичный для студента путь от веры в безверие и обратно к вере: «Только пройдя через отрицание, можно вполне сознательно возвратиться к религиозным началам и усвоить их с той шириною понимания, которая способна совместить в себе требования разума и стремления веры». Он резюмирует: «Человеку... нашего времени естественно быть неверующим в молодости и снова сделаться верующим в зрелых летах» [28, с. 33].

Еще один политик, государственный деятель С. Ю. Витте анализирует духовное состояние студенчества и отмечает: «В это время преобладало атеистическое направление и кумирами молодежи были: Писарев, Добролюбов и Чернышевский. <...> теперь же, в последние годы, кумиром молодежи был Толстой, который в основу всех своих идей кладет бессмертие души, веру

в загробную жизнь и Бога... Тот, кто пережил 70-е годы университетской жизни, может оценить ту громадную заслугу, которую оказал Толстой, приведя русскую молодежь к Богу...» [9, с. 43]. Вера, обретенная молодым человеком, на новых основаниях удерживает его от ошибочных решений и поступков, спасает не только от одиночества, но и от революционной пропаганды.

Русский мыслитель и философ Н. А. Бердяев вспоминал о собственных исканиях в студенческие годы: «Однажды на пороге отрочества и юности я был потрясен мыслью: *пусть я не знаю смысла жизни, но искание смысла уже дает смысл жизни, и я посвящу свою жизнь этому исканию смысла*. Это был настоящий внутренний переворот, изменивший всю мою жизнь. Я пережил его с энтузиазмом» [25, с. 34]. Переживания внутреннего мира становились для студентов важнее внешних жизненных коллизий. «Я описал этот переворот, но рукопись была взята при первом моем аресте и пропала. Мне хотелось бы сейчас прочесть то, что я тогда написал, приобщиться к огромному подъему, пережитому мной. <...> Искание истины и смысла я противопоставил обыденности, бессмысленной действительности» [25, с. 40].

Философ, мыслитель и политический деятель С. Н. Булгаков прошел аналогичный путь от атеизма к вере, начатый в студенческие годы, он вернулся к православию уже после окончания университета. Булгаков путешествовал по Европе с научной целью, работал в Германии, и все это время в нем шла непрерывная внутренняя духовная работа. В результате мыслитель вступил на путь религиозной философии и идеалистической критики марксизма [30, с. 58–63].

Молодежь с естественнонаучных факультетов пыталась подойти к вопросам веры с позиций науки, логики и разума. Так, крупный советский физик В. И. Пичета посетил в 1905 г. диспут – защиту докторской диссертации философа С. Н. Трубецкого, «представившего исследование “Учение о Логосе Филона Александрийского”, вызвавшее, разумеется, резкую критику в официальной духовной печати. <...> Очень интересно было вступительное слово С. Н. Трубецкого, этого представителя неохристианской философии. Для своего времени речь была довольно смелой, ибо Трубецкой в конце своей речи сказал, что, не скрывая своих религиозных убеждений, он должен признать, что божественность Христа недоказуема. <...> Святости “канонических книг” был нанесен удар...» [31, с. 594–595]. Студенчество привлекали мероприятия такого рода. Молодежь часто можно было встретить на лекциях и защитах диссертаций, на выступлениях политиков и на демонстрациях. Там она искала ответы на свои вопросы и часто находила их среди революционных партий, активно ведущих пропаганду среди учащейся молодежи. Распространение получали различного рода кружки и общества, организуемые частными лицами, столичным дворянством, стремившимся к просвещению. Профессорские кружки, собрания литераторов и т.п. дискутировали о проблемах богословия, достоверности христианского вероучения и основ богослужебной литературы» [32, с. 524–525].

В. О. Ключевский в студенческие годы искал ответы на вопросы веры в науке. В годы его учебы шла борьба ученых-материалистов с учеными-идеалистами. Полемика их была очень известна и популярна, ей многое интересовались всерьез. Ключевский читал полемику Н. Г. Чернышевского

с П. Д. Юркевичем и М. Н. Катковым. Он искал доводы и находил их в книгах, в религиозной философии Сергиевского, лекциях Фейербаха. Бывший семинарист, сын священника, Ключевский приходит к довольно «либеральным» убеждениям в вопросах веры. А в верованиях, вынесенных из детства, так много фальшивого, замечает он, и просит кланяться семинарии и сказать, «что я ей желаю лучшего, чего можно пожелать, – свободы мысли» [33, с. 97].

В художественной литературе атеизм высмеивается. В рассказе А. П. Чехова суровый студент-практикант, по убеждениям декадент, считал, что все придет к упадку и в конце всего все равно смерть. Инженер, у которого он проходил практику, пытался убедить его, что такие убеждения весьма пагубны [6, с. 590]. Писатели начала XX в. стремились в доступной форме показать, что атеистические убеждения, духовные и политические искания, мысли о смерти были типичным поиском учащейся молодежи, органической частью взросления. Оказываясь на пороге возможной гибели или переживая серьезные жизненные трудности, молодой человек по-новому воспринимает свои духовные искания. У В. В. Вересаева в рассказе «Без дороги» главный герой говорит об истинности библейских заповедей и поступает как истинный христианин. Он много размышляет о своей деятельности и понимает, что слова, характерные для студенчества о подвиге и «больших делах», очень фальшивы [34, с. 38–90].

Стремления молодежи так или иначе погибнуть были следствием не только упаднических настроений, но и результатом революционной пропаганды. Эти тенденции стали проявляться в мировоззрении определенной части молодежи еще в середине XIX в., когда формировалась идеология народничества. Одной из ведущих идей, влиявших на умы молодежи и порождавших в них стремление умереть, было желание совершить подвиг во имя угнетенного русского народа. Идея смерти как искупления грехов дворянина перед народом была сформулирована еще П. Л. Лавровым и прижилась как в умах молодежи, так и в учениях радикальных партий. Получивший широкое распространение среди радикальной молодежи «Катехизис революционера», написанный студентом С. Г. Нечаевым, напрямую призывал к смерти во имя благой идеи. «Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией... Революционер – человек обреченный. <...> Он каждый день должен быть готов к смерти. Он должен приучить себя выдерживать пытки» [35].

Стремление погибнуть за идею, участие в деятельности революционных партий мыслящей молодежи, «цвета интеллигенции» волновало общество, провоцировало реакцию в официальной печати. Публицисты высмеивали такое безрассудство. А. С. Изгоев размышлял: «“Левее” тот, кто ближе к смерти, чья работа “опаснее” не для общественного строя, с которым идет борьба, а для самой действующей личности. <...> И вот это-то обстоятельство и оказывает магическое влияние на душу наиболее чутких представителей русской интеллигентной молодежи. Оно завораживает их ум и парализует совесть: все освящается, что заканчивается смертью, все дозволено тому, кто идет на смерть, кто ежедневно рискует своей головой. Всякие возражения сразу пресекаются одной фразой: в вас говорит буржуазный страх за свою

шкуру» [36, с. 200]. Упрощенное понятие о подвиге через личную гибель, непонимание истинных стремлений радикальных партий нередко лежали в основе необдуманных поступков студентов. «Но ведь это есть не что иное, как самоубийство, и бесспорно, что в течение многих лет русская интеллигенция являла собой своеобразный монашеский орден людей, обрекших себя на смерть, и притом на возможно быструю смерть», – рассуждает публицист [36, с. 201].

Революционная народническая деятельность привлекала студентов своим ореолом героизма. Принятие решения об участии в ней сопровождалось не столько страхом смерти, сколько переживаниями из-за разрыва с родителями. Н. Морозов, в будущем выдающийся ученый, в студенческие годы увлекся народничеством и писал: «Лично я вовсе не чувствовал какой-либо боязни перед тюрьмой и рудниками... мысль об опасности всегда имела для меня что-то жутко-привлекательное», это «приводило меня только в умиление. <...> Я сам себя хоронил заживо, как жертву за свободу». Он восхищался собственным будущим героизмом: «Как все это хорошо... если б все узнали... я не мог бы быть уверенным, что приношу себя в жертву бескорыстно» [13, с. 36–42]. Часто миссия спасения русского народа незаметно для самого студента переплеталась в его сознании с чисто христианскими идеями. В художественной литературе идейная составляющая радикальных политических партий исчезает, ее заменяет абстрактное стремление студента «пострадать».

Бывшие студенты-революционеры нередко, повзрослев, с горечью вспоминали, что манившие их идеалы революции и долга перед народом были весьма туманны. «То, что мы должники перед народом и обязаны этот долг ему выплатить, было одним из первых политических понятий, которые вытекали из книг, из разговоров, даже из уроков в школе. Как за этот долг рассчитываться и почему мы за него отвечаем, мы так же плохо понимали, как и те, от кого на нас шли народнические настроения и требования. <...> Вокруг революционных легенд мы создавали культ романтических героев» [15, с. 131]. Герой А. М. Горького Клим Самгин рассуждает: «...самое худшее, чего я могу ждать, – вышлют из Москвы. Ну что ж? Пострадаю. Это – в моде» [8, с. 376]. Мода на смерть, стремление погибнуть за идею владели умами молодежи почти столетие.

Развенчание этой идеи происходило в публицистике и художественной литературе начала XX в. А. П. Чехов отмечал, что даже игра в мрачные мысли вредна и пагубна. Героями его произведений часто выступают студенты, сталкивающиеся со сложными жизненными ситуациями. Так, типичный студент начала XX в., приехавший на практику, рассуждает: «...а пройдут тысячи две лет, и от этой насыпи и от всех этих людей, которые теперь спят после тяжелого труда, не останется и пыли. В сущности, это ужасно!». Его наставник, инженер Ананьев, возражает: «А вы эти мысли бросьте... Вы еще слишком молоды для них». Он вспоминает о своей молодости: «Всей душой ненавижу эти мысли. <...> Я сам был болен ими в юности... они не принесли мне ничего, кроме зла». Такое мышление пагубно. «Тогда, в конце семидесятых годов, оно начинало входить в моду у публики и потом в начале восьмидесятых стало понемногу переходить из публики в литературу, в науку и политику. Мне было тогда не больше двадцати шести лет, но я уж отлично знал, что жизнь бесцельна и не имеет смысла, что все обман и иллюзия... Я жил и как

будто делал этим одолжение неведомой силе, заставляющей меня жить: на, мол, смотри, сила, ставлю жизнь ни в грош, а живу!» Такое мышление имеет в себе что-то «наркотическое». «Оно становится привычкой, потребностью» [6, с. 592]. Тонко подмеченное писателем общее умонастроение студенчества часто и без серьезных объективных причин разъедало его сознание, приводило к необдуманным поступкам, безумию, потерям или гибели.

Кроме желания погибнуть за идею для студентов были характерны и мысли о смерти в те моменты, когда их постигали житейские неудачи, страх ответственности или боязнь неразрешимости возникшей проблемы, часто все это вызывало малодушное желание «исчезнуть». В художественной литературе мысли о смерти среди студенчества выглядят наивно и вызывают улыбку. Главный герой повести Н. Г. Гарина-Михайловского «Студенты» то и дело помышляет о смерти. Каждая новая неудача, такая как болезнь или материальные трудности, ввергает его в мировоззренческий кризис: «И жить не стоит, и умереть – не умереть только оттого, что хочется этого. Хорошо было бы, если бы можно было умереть от одной мысли, что хочу умереть; подумал только – и нет уж тебя, исчез сразу, как дым, как мысль...» [7, с. 145–147]. У Л. Н. Толстого его герой готов был умереть от того, что провалился на экзаменах. «Три дня я не выходил из комнаты, никого не видел... плакал много. Я искал пистолетов, которыми бы мог застрелиться» [37, с. 144–145]. Желание умереть является частью молодежной субкультуры, и, как правило, при появлении более серьезных испытаний студенты все-таки борются за жизнь.

Более того, студенты боятся смерти. Интересный сюжет, закрепившийся как в мемуарной, так и в художественной литературе, – страх перед покойниками среди студентов-медиков, которым предстоит препарировать, борьба с этим страхом тех, кто будет регулярно сталкиваться со смертью в профессиональной деятельности. Страх смерти настигает и студентов-педагогов: «...в Педагогическом институте от этого страха вскакивали среди ночи в ужасе или неистовой ярости лучшие мои друзья». Молодые люди обсуждают, как внезапно и бессмысленно может оборваться жизнь: «И ты никогда не думал, засыпая, что некоторые люди умирают во сне? Тебе не приходится в голову, когда ты чистишь зубы: ну вот, это в последний раз, мой час пробил?» [38, с. 225–226].

В медицинском институте отношения с покойниками были самыми непосредственными. И. А. Митропольский вспоминает о своих сложных переживаниях на первом курсе института. На первую лекцию студентам-медикам принесли обнаженный труп, на котором были расчерчены краской линии по областям тела и написаны названия областей по латыни. При этом никаких объяснений дано не было. «Труп... произвел на меня нехорошее впечатление. Это казалось и поруганием и возбуждало пугливое чувство». Митропольский стремился преодолеть страх и приобрел череп для самостоятельного изучения его строения. «Череп, которым обзавелся, я не мог оставлять на ночь на столе, а прятал подальше, в шкаф. Мне приходило на мысль, имею ли я право тревожить останки человека, употребляя их даже не с кощунственными целями. Ложась спать, я иногда думал, что вот-вот душа, жившая в этом черепе, явится ко мне и потребует отчета в завладении ее собственностью» [11, с. 247–249].

Студенты-медики нередко не выдерживали контактов с покойными людьми и отчислялись из института. Страх смерти и всего таинственного, внушенный в детстве, зачастую мешал студенту получить образование, социализироваться. «С первых дней жизни начинают его страхами перед таинственным, чудесным и сверхъестественным, и затем в то именно время, когда полный сил и жизни молодой, развивающийся организм юноши относится с естественным страхом и ненавистью к мысли об уничтожении, смерти, внушается ему и учением и погребальными обрядами относиться к останкам отжившего человека как к чему-то, требующему особого почтения. Естественно, что при таких условиях у иного может дрогнуть рука, вонзающая анатомический скальпель в труп» [11, с. 247–249]. Многие из-за религиозных убеждений или суеверий бросали учебу или меняли специальность.

Однако большинство боролось со своими страхами. Митропольский вспоминал о втором курсе: «...когда пришлось препарировать самому... я потерял аппетит, а на мясо и смотреть не мог без отвращения. Потерял я также и сон». Зачастую медикам для обучения доставались не самые благополучные покойники, в основном это были тела преступников, людей маргинальных. Митропольскому достался труп самоубийцы. «Нас было много, а трупов мало... Пришлось... работать над противным предметом. Но чем дальше, тем становилось со мною хуже: появился какой-то скверный суеверный страх, хоть меняй факультет» [11, с. 249]. Воспитание и глубокие религиозные убеждения у студентов-медиков смешивались с чувством отвращения и брезгливости, приходилось преодолевать свои страхи. Студенты ради этого совершали безрассудные и забавные поступки. «Вечером однажды, когда смеркалось, я, запасшись стеариновым огарком и захватя с собою анатомию Вальтера с препаровочным набором инструментов, отправился в секционную залу, и... принялся за работу. <...> я остался один... и в обществе нескольких свежих трупов... При слабом свете пятирикового огарка обстановка была фантастическая, и мне становилось жутко». Студент несколько раз ловил себя на мысли, что готов заплатить сторожу, чтобы он побыл с ним в зале. «Но поступить так мне казалось и стыдно... и жалко последних грошей... Поэтому, преодолевая себя, я принялся за работу и стал мало-помалу забываться в ней. Вдруг слышу резкий стук... взглядываю... и вижу, что мерзлый труп... упал на бок и смотрит на меня оловянными глазами. Пугливо отвернувшись... я встретился с страшным взглядом своего мертвеца, с глаз которого... я сронил закрывавшую их бумагу, и на меня напал панический страх. Без памяти бросился я вон из залы, в чем был... В руках у меня... остались в одной – пинцет, в другой – скальпель. Только... вблизи своей квартиры... я пришел в себя и устыдился. Поспешно вернувшись назад, я продолжал работу, пока не догорел оставленный мною не потушенный огарок». Интересно, что заставила вернуться в анатомический театр студента все та же пресловутая бедность, мысль о том, «как бы не пропало мое единственное пальто с фуражкой... и Анатомия с инструментами... Мне пришло на мысль и то, почему же эта пара солдат при секционной зале, живущая и ночующая в сообществе мертвецов, не боится их и не испытывает от них никакого беспокойства» [11, с. 245].

Борьба со страхами описана подробно и у Н. Морозова. Николай боролся в детстве с различными суевериями и страхами: «...я нарочно начал

посещать один по ночам все «страшные места» в нашем имении...». Медленно, в полной темноте шел, через силу останавливался, медленно шел обратно. Так он ходил к пруду, который пользовался дурной славой, боролся со страхом, проходя мимо страшного портрета. А страх одолевал его «благодаря рассказам прислуги» о привидениях и прочих ужасах. Прислуга объясняла, как себя вести с ними, любила рассказывать и о «страшном хохоте». Множество подобных историй формировали в детстве страх перед неизведанным, мистическим. Страшными историями и мифами взрослые запугивали детей, чтобы удерживать их от опасных действий, самостоятельных походов в места, представлявшие опасность для жизни: на пруд, в лес, на болота. Но Морозов заметил, что любое суеверие у него «целиком было связано с родными краями»: «...стоило только мне уехать... как всякое суеверие у меня тотчас проходило» [13, с. 158–166]. Борьба со страхами не только становилась частью процесса взросления, но и формировала профессиональные качества будущих ученых, политиков, юристов, врачей и педагогов. Размышления о конечности бытия, основанные на детских страхах, становились основой для роста и для работы над собой.

«Этот-то голос раскаяния и страстного желания совершенства и был главным новым душевным ощущением... и он-то положил новые начала моему взгляду на себя, на людей и на мир Божий» [37, с. 332–333]. В целом путь к вере и размышление о религиозных ценностях для студентов было связано с развитием атеизма, а также кризисными явлениями в преподавании богословских дисциплин в университетах, очевидным противоречием между изучаемыми науками и церковными догматами. В связи с этим можно говорить о различиях между факультетами по отношению к преодолению или утверждению атеизма как основы мировоззрения, характерной скорее для естественно-научных факультетов. Вера была тесно связана с размышлениями молодежи о смерти. Причин, толкавших на суицид или самопожертвование, было множество, но идеологические играли, особенно к началу XX в., важную роль в принятии студентом решения о своем дальнейшем пути.

Размышления о вере и смерти в жизни студента играли важную роль в становлении его мировоззрения. Осмысление конечности человеческого существования, осознание возможной внезапности кончины и хрупкости человеческого тела формировали мировоззрение студенчества, укрепляли его убеждения, становясь неотъемлемым актом взросления. Духовный поиск молодежи находился под воздействием не только психологических особенностей возраста, но и политических и социальных факторов. Становление мировоззрения в студенческом возрасте оказывало колоссальное влияние на формирование личности в зрелые годы. Для отдельных студентов такая внутренняя борьба оказалась гораздо значительнее внешних обстоятельств, многие принимали судьбоносные решения именно в результате внутренних исканий. Несмотря на то что в произведениях художественной литературы закрепились убеждения в различиях между мировоззрением студентов в различных университетских городах, это не подтверждается более детальным исследованием. Эволюция мировоззрения русской молодежи шла под влиянием социально-политических изменений, происходивших в Российской империи на протяжении XIX – начала XX в. Большое влияние на умы молодежи

оказывали новые идеи общественной мысли, агитация подпольных политических партий, университетская среда, складывавшаяся из множества факторов, а также материальное положение, отличавшееся как по факультетам, так и по социальной принадлежности отдельных групп студентов, и очевидно ухудшившееся к началу XX в.

Список литературы

1. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX вв.: социально-историческая судьба. М. : РОССПЭН, 1999. 414 с.
2. Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX вв. Опыт культурной и политической самоорганизации. М. : Новый хронограф, 2004. 407 с.
3. Ушаков А. В. Интеллигенция в России периода буржуазно-демократических революций // Революционное движение демократической интеллигенции в России в период империализма. М. : Новый хронограф, 2011. 286 с.
4. Ерман Л. К. Интеллигенция в первой русской революции. М. : Наука, 1966. 373 с.
5. Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М. : Мысль, 1981. 287 с.
6. Чехов А. П. Огни // Избранные произведения : в 2 т. Т. 1: Рассказы и повести / А. П. Чехов. Л., 1960. 812 с.
7. Гарин-Михайловский Н. Г. Студенты. Инженеры. М., 1972. 478 с.
8. Горький М. Жизнь Клима Самгина (Сорок лет) : повесть / вступ. ст. А. И. Овчаренко, коммент. И. И. Вайнберга. М. : Художественная литература, 1987. 573 с.
9. Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М. : Мысль, 1991. 718 с.
10. Герцен А. И. Былое и думы. М. : Детская литература, 1972. 575 с.
11. Из воспоминаний о Московском университете И. А. Митропольского (1857–1862 гг.) // Воспоминания о студенческой жизни / В. О. Ключевский, П. Н. Обнинский, Д. Н. Свербеев, С. М. Соловьев [и др.]. М. : О-во распространения полез. кн., 1899. 271 с.
12. Курбский В. Очерки студенческой жизни (из дневника бывшего студента). М. : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1912. 203 с.
13. Морозов Н. А. В начале жизни. Как из меня вышел революционер вместо ученого. М. : В. М. Саблин, 1907. 265 с.
14. Свиньин И. А. Воспоминания студента 60-х гг. за 1862–1865 гг. Тамбов : Скл. изд. у Ивана Аполлоновича Свиньина, 1890. 155 с.
15. Тыркова-Вильямс А. В. Воспоминания. То, чего больше не будет / предисл., коммент. В. В. Шелохаева. М. : Слово/Slovo, 1998. 559 с.
16. Лярский А. Б. «Простите, дорогие папа и мама»: родители, дети и борьба с подростковыми самоубийствами в России конца XIX – начала XX века. СПб. : Крига : Победа, 2017. 599 с.
17. Радин Е. П. Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 г. СПб. : Н. П. Карбасников, 1913. 118 с.
18. Членов М. А. Половая перепись московского студенчества и ее общественное значение. М. : Студ. мед. изд. комис., 1909. 104 с.
19. Гиляров-Платонов Н. П. Университетский вопрос («Современные известия» 1868–1884 гг.) : сб. ст. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1903. 290 с.
20. Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. М. : Тип. О-ва распространения полез. кн., 1903. 304 с.
21. Юркина Н. Н. Материальное положение учащейся молодежи Российской империи XIX – начала XX вв. // Преподаватель XXI век. 2016. № 3, ч. 1. С. 53–61. URL: <https://drive.google.com/file/d/0Bww8v66PaPfWSzFyOFZrZkNQZE0/view>

22. Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев. Репринт. Л. : Лениздат, 1991. 269 с.
23. Русская женщина. Женский голос из провинции // Русь. 1882. № 48. С. 16.
24. Еленев Ф. Студенческие беспорядки. СПб. : Общественная польза, 1898. 46 с.
25. Бердяев Н. А. Самопознание // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи». 2000. С. 14–15. URL: <http://www.vchi.net/berdiaev> (дата обращения: 12.09.2007).
26. Памяти почивших наставников. Издание Императорской Московской Духовной Академии ко дню ее столетнего юбилея (1814 – 1 октября 1914). Сергиев Посад : Тип. И. И. Иванова, 1914. 402 с.
27. Голубцов С. А. Московская духовная академия в революционную эпоху : в 3 т. М. : Мартис, 1999. Т. 1. 256 с.
28. Русское общество 40–50-х гг. XIX в. : в 2 ч. Ч. II. Воспоминания Б. Н. Чичерина / сост., общ. ред. и предисл. С. Л. Чернова. М. : Изд-во Московского ун-та, 1991. 252 с.
29. Шаховской Д. И. Избранные статьи и письма. 1881–1885 / сост., вступ. ст. А. В. Лубкова. М. : Прометей, 2002. 314 с.
30. Смирнов И. П. «От марксизма к идеализму»: М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев. М. : Русское книгоиздательское товарищество, 1995. 285 с.
31. Пичета В. И. Воспоминания о Московском университете // Московский университет в воспоминаниях современников : сборник / сост. Ю. Н. Емельянов. М. : Современник, 1989. 734 с.
32. Танеев П. В. Воспоминание о Клименте Аркадьевиче Тимирязеве // Московский университет в воспоминаниях современников : сборник / сост. Ю. Н. Емельянов. М. : Современник, 1989. 734 с.
33. Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М. : Наука, 1974. 365 с.
34. Вересаев В. В. Без дороги : повесть // Повести. Рассказы / В. В. Вересаев. М. : Правда, 1980. 399 с.
35. Нечаев С. Г. Катехизис революционера // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / под ред. Е. Л. Рудницкой. М. : Археогр. центр, 1997. 570 с.
36. Изгоев А. С. Об интеллигентной молодежи (Заметки об ее быте и настроениях) // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М. : Новости, 1990. 211 с.
37. Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность / вступ. ст. Б. Аверина. Л. : Художественная литература, 1979. 336 с.
38. Сартр Ж.-П. Слова : автобиограф. повесть / пер. с фр. Ю. Яхниной, Л. Зониной. СПб. : Азбука-классика, 2003. 292 с.

References

1. Ivanov A.E. *Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala KhKh vv.: sotsial'no-istoricheskaya sud'ba = Students of Russia in the late 19th – early 20th centuries: socio-historical fate*. Moscow: ROSSPEN, 1999:414. (In Russ.)
2. Ivanov A.E. *Studencheskaya korporatsiya Rossii kontsa XIX – nachala KhKh vv. Opyt kul'turnoy i politicheskoy samoorganizatsii = Student Corporation of Russia in the late 19th – early 20th centuries. Experience of cultural and political self-organization*. Moscow: Novyy khronograf, 2004:407. (In Russ.)
3. Ushakov A.V. *Intelligentsia in Russia during the period of the bourgeois-democratic revolutions. Revolyutsionnoe dvizhenie demokraticheskoy intelligentsii v Rossii v period imperializma = The revolutionary movement of the democratic intelligentsia in Russia during the period of imperialism*. Moscow: Novyy khronograf, 2011:286. (In Russ.)
4. Erman L.K. *Intelligentsiya v pervoy russkoy revolyutsii = Intelligentsia in the first Russian revolution*. Moscow: Nauka, 1966:373. (In Russ.)

5. Leykina-Svirskaya V.R. *Russkaya intelligentsiya v 1900–1917 godakh = Russian intelligentsia in 1900–1917*. Moscow: Mysl', 1981:287. (In Russ.)
6. Chekhov A.P. *Lights. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. T. 1: Rasskazy i povesti = Selected works: in 2 volumes. Volume 1: Stories and novels*. Leningrad, 1960:812. (In Russ.)
7. Garin-Mikheylovskiy N.G. *Studenty. Inzheneriy = Students. Engineers*. Moscow, 1972: 478. (In Russ.)
8. Gor'kiy M. *Zhizn' Klima Samgina (Sorok let): povest' = The life of Klim Samgin (40 years): novel*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1987:573. (In Russ.)
9. Vitte S.Yu. *Izbrannye vospominaniya. 1849–1911 gg. = Selected memories. 1849–1911*. Moscow: Mysl', 1991:718. (In Russ.)
10. Gertsen A.I. *Byloe i dumy = Past and thoughts*. Moscow: Detskaya literatura, 1972:575. (In Russ.)
11. From the memoirs of Mitropolsky Moscow University (1857–1862). *Vospominaniya o studencheskoy zhizni = Memories of student life*. Moscow: O-vo rasprostraneniya polez. kn., 1899:271. (In Russ.)
12. Kurbskiy V. *Ocherki studencheskoy zhizni (iz dnevnika byvshego studenta) = Essays on student life (from the diary of a former student)*. Moscow: Tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i K°, 1912:203. (In Russ.)
13. Morozov N.A. *V nachale zhizni. Kak iz menya vyshel revolyutsioner vmesto uchenogo = At the beginning of life. How a revolutionary turned out of me instead of a scientist*. Moscow: V.M. Sablin, 1907:265. (In Russ.)
14. Svin'in I.A. *Vospominaniya studenta 60-kh gg. za 1862–1865 gg. = Student memories of 60s: 1862–1865*. Tambov: Skl. izd. u Ivana Apollonovicha Svin'ina, 1890:155. (In Russ.)
15. Tyrkova-Vil'yams A.V. *Vospominaniya. To, chego bol'she ne budet = Memories. That which will be no more*. Moscow: Slovo/Slovo, 1998:559. (In Russ.)
16. Lyarskiy A.B. *«Prostite, dorie papa i mama»: roditeli, deti i bor'ba s podrostkoyami samoubiystvami v Rossii kontsa XIX – nachala XX veka = “Forgive me, dear dad and mom”: parents, children and the fight against teenage suicide in Russia in the late 19th and early 20th centuries*. Saint Petersburg: Kriga: Pobeda, 2017:599. (In Russ.)
17. Radin E.P. *Dushevnoe nastroyenie sovremennoy uchashcheysya molodezhi po dannym Peterburgskoy obshchestvennoy ankety 1912 g. = Spiritual mood of modern student youth according to the Saint Petersburg General Student Questionnaire of 1912*. Saint Petersburg: N.P. Karbasnikov, 1913:118. (In Russ.)
18. Chlenov M.A. *Polovaya perepis' moskovskogo studentstva i ee obshchestvennoye znachenie = Gender census of Moscow students and its social significance*. Moscow: Stud. med. izd. komis., 1909:104. (In Russ.)
19. Gilyarov-Platonov N.P. *Universitetskiy vopros («Sovremennye izvestiya» 1868–1884 gg.): sb. st. = The University Question (“Sovremennye izvestiya”, 1868–1884): collected articles*. Saint Petersburg: Tip. A.S. Suvorina, 1903:290. (In Russ.)
20. Ivanov P. *Studenty v Moskve. Byt. Nравy. Tipy = Students in Moscow. Life. Morals. Types*. Moscow: Tip. O-va rasprostraneniya polez. kn., 1903:304. (In Russ.)
21. Yurkina N.N. The financial situation of the student youth of the Russian Empire in the 19th – the beginning of the 20th century. *Prepodavatel' XXI vek = Lecturer of the 21st century*. 2016;(3):53–61. (In Russ.). Available at: <https://drive.google.com/file/d/0Bww8v66PaPfWSzFyOFZrZkNQZE0/view>
22. Zasosov D.A., Pyzin V.I. *Iz zhizni Peterburga 1890–1910-kh godov. Zapiski ochevidtsev. Reprint = From the life of Saint Petersburg in the 1890–1910ss. Eyewitness notes. Reprint*. Leningrad: Lenizdat, 1991:269. (In Russ.)
23. Russian woman. Provincial female voice. *Rus' = Russia*. 1882;(48):16. (In Russ.)
24. Eleneev F. *Studencheskie besporyadki = Student riots*. Saint Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 1898:46. (In Russ.)

25. Berdyaev N.A. Self-knowledge. *Biblioteka russkoy religiozno-filosofskoy i khudozhestvennoy literatury «Vekhi» = Library of Russian religious-philosophical and fiction "Vekhi"*. 2000:14–15. (In Russ.). Available at: <http://www.vehi.net/berdyaev> (accessed 12.09.2007).
26. *Pamyati pochivshikh nastavnikov. Izdanie Imperatorskoy Moskovskoy Dukhovnoy Akademii ko dnyu ee stoletnego yubileya (1814 – 1 oktyabrya 1914) = In memory of deceased mentors. Edition of the Imperial Moscow Theological Academy on the day of its centennial anniversary (1814 – October 1, 1914)*. Sergiev Posad: Tip. I.I. Ivanova, 1914:402. (In Russ.)
27. Golubtsov S.A. *Moskovskaya dukhovnaya akademiya v revolyutsionnuyu epokhu: v 3 t. = Moscow Theological Academy in the revolutionary era: in 3 volumes*. Moscow: Martis, 1999;1:256. (In Russ.)
28. *Russkoe obshchestvo 40–50-kh gg. XIX v.: v 2 ch. Ch. II. Vospominaniya B. N. Chicherina = Russian Society in the 40–50s of the 20th century: in 2 parts. Part II. Memoirs of V.N. Chicherin*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1991:252. (In Russ.)
29. Shakhovskoy D.I. *Izbrannye stat'i i pis'ma. 1881–1885 = Selected articles and letters. 1881–1885*. Moscow: Prometey, 2002:314. (In Russ.)
30. Smirnov I.P. «*Ot marksizma k idealizmu*»: M.I. Tugan-Baranovskiy, S.N. Bulgakov, N.A. Berdyaev = “*From marxism to idealism*”: M.I. Tugan-Baranovsky, S.N. Bulgakov, N.A. Berdyaev. Moscow: Russkoe knigoizdatel'skoe tovarishchestvo, 1995:285. (In Russ.)
31. Picheta V.I. *Memories of Moscow University. Moskovskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov: sbornik = Moscow University in the memoirs of contemporaries: collection*. Moscow: Sovremennik, 1989:734. (In Russ.)
32. Taneev P.V. *Remembrance of Kliment Arkadyevich Timiryazev. Moskovskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov: sbornik = Moscow University in the memoirs of contemporaries: collection*. Moscow: Sovremennik, 1989:734. (In Russ.)
33. Nechkina M.V. *Vasilii Osipovich Klyuchevskiy. Istoriya zhizni i tvorchestva = Vasily Osipovich Klyuchevsky. History of life and creativity*. Moscow: Nauka, 1974:365. (In Russ.)
34. Veresaev V.V. *Without a road: novel. Povesti. Rasskazy = Novels. Stories*. Moscow: Pravda, 1980:399. (In Russ.)
35. Nechaev S.G. *Revolutionary catechism. Revolyutsionnyy radikalizm v Rossii: vek devyatnadsatyy = Revolutionary radicalism in Russia: the 19th century*. Moscow: Arkheogr. tsentr, 1997:570. (In Russ.)
36. Izgoev A.S. *On the intelligent youth (Notes about its life and moods). Vekhi: sbornik statey o russkoy intelligentsia = Milestones: a collection of articles about the Russian intelligentsia*. Moscow: Novosti, 1990:211. (In Russ.)
37. Tolstoy L.N. *Detstvo. Otrochestvo. Yunost' = Childhood. Adolescence. Youth*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1979:336. (In Russ.)
38. Sartr Zh.-P. *Slova: avtobiogr. povest' = Words: autobiography story*. Transl. from French by Yu. Yakhnina, L. Zonina. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2003:292. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Николаевна Юркина

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории России,
Институт истории и политики,
Московский педагогический
государственный университет (Россия,
г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1,
стр. 1)

E-mail: nn.yurkina@mpgu.su

Natalia N. Yurkina

Candidate of historical sciences, associate
professor, associate professor of the
sub-department of Russian history, Institute
of history and politics, Moscow Pedagogical
State University (building 1,
1 Malaya Pirogovskaya street,
Moscow, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 04.10.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.02.2022

Принята к публикации / Accepted 06.04.2022